

Н. И. НИКОЛАЕВ

Печатный Пролог с записями А. А. Ухтомского из собрания М. С. Лесмана¹

Деятельность каждого крупного коллекционера подчинена своей внутренней, только этому коллекционеру присущей задаче. Однако проходят десятилетия, и эти коллекции становятся фактом культуры, а собранные в них материалы оказываются неотделимыми от имени собирателя. В наше время деятельность таких коллекционеров уже почти не представима для обыденного сознания. М. С. Лесман (1902—1985) и был представителем теперь уже навсегда уходящего последнего поколения коллекционеров, ясно осознававших цели своего собирательства. Его коллекция получила наибольшую известность из-за собранных в ней рукописей и книг, относящихся к истории русской культуры первой трети XX в. В приобретении этих материалов заключался главный интерес собирателя. Однако, не без оснований считая себя наследником великой русской библиофильской традиции, он также с особой тщательностью подбирал традиционные библиофильские редкости, прежде всего русские издания XIX и отчасти XVIII вв. Как настоящий собиратель он мог оценить редкость и значение для русской культуры материалов, вроде бы далеких от его основных пристрастий. Так, у него появилось несколько десятков старопечатных западноевропейских изданий, среди них — и инкунабулы, несколько десятков славяно-русских рукописей и кириллических книг. Среди последних выделяется том Пролога, содержащий сентябрьскую половину, который был выпущен Синодальной типографией в Петербурге в 1895 г. Его ценность и интерес для собирателя заключались в том, что он принадлежал выдающемуся русскому ученому-физиологу и мыслителю академику Алексею Алексеевичу Ухтомскому.² На верхнем переплетном листе книги имеются записи красными чернилами: «Г. I. X С. Б. П. Н. А.» и «Кн. Алексея Ухтомского. С. Петербург. 1912 г.». Именно с 1912 г. до смерти во время блокады, в августе 1942 г. (Ухтомский отказался эвакуироваться), в течение тридцати лет А. А. Ухтомский постоянно читал этот том Пролога. Почти на каждом листе книги имеются его пометы и подчеркивания в тексте, вписанные им параллельные места и собственные рассуждения, поминальные записи. Последние по времени подчеркивания и записи о смерти близких людей сделаны им химическим карандашом в блокадную зиму 1941—42 г. Пролог был послан коллекционером на выставку

¹ За возможность ознакомиться с материалами собрания М. С. Лесмана приносим глубокую благодарность Н. Г. Князевой

² Пролог Кн 1, сентябрь — февраль [СПб] Синод тип., 1895 495, [1] л., 2° См Книги и рукописи в собрании М. С. Лесмана Аннотированный каталог Публикации М., 1989 С 23, № 25

«Книга сражается», устроенную в Москве к 40-летию Победы. На выставке Пролог был раскрыт на тех листах, где находились поминальные записи февраля 1942 г.³

Как известно, библиотека А. А. Ухтомского хранится в Физиологическом институте Петербургского университета. К сожалению, сохранилась она не полностью.⁴ Какая-то часть книг была утрачена, и, возможно, еще до 1944 г., когда библиотека была принята в институт, носящий имя его основателя. Поэтому так важно, что этот том Пролога был сохранен коллекционером, осознававшим его значение для русской культуры и, отметим, не отказывавшим ученикам Ухтомского в возможности знакомиться с книгой, в которой запечатлелись следы духовного труда их учителя.⁵ Местонахождение второго тома Пролога, содержащего мартовскую половину, а он, судя по отсылкам в первом томе, несомненно имелся, пока неизвестно. Однако и записи первого тома позволяют получить представление об общем характере помет А. А. Ухтомского при чтении Пролога.

Жизненный путь А. А. Ухтомского со стороны может представиться крайне противоречивым. Почти всю жизнь его сопровождали кризисные духовные ситуации, от разрешения которых всякий раз зависел выбор дальнейшего жизненного пути. Вместе с тем он никогда не отказывался от пройденного и прежде обдуманного. Например, в дневниках 1930-х гг. он мог ссылаться на свои записи 1890-х гг. и продолжать их, как будто только за минуту до этого от них оторвался. Его жизнь отличает необычайное согласие внутреннего мира и поступков.

Родился А. А. Ухтомский в 1875 г. в Ярославской губернии. Происходил он из древнего княжеского рода. Детство его протекало в Рыбинске. После 5-го класса гимназии он был отдан в Нижегородский кадетский корпус (по традиции все Ухтомские были военными). После окончания корпуса — в разрыв с семейными традициями — он поступает в 1894 г. в Московскую духовную академию. Правда, несколько ранее туда поступил его старший брат Александр (позже — уфимский епископ Андрей). В самом этом факте еще не было ничего необычного. Можно назвать целый ряд имен представителей дворянской молодежи из числа поступивших в духовные академии в 80-е, 90-е, 900-е гг., ставших впоследствии видными деятелями церкви или выдающимися богословами. Необычен был следующий шаг Ухтомского — обращение к науке. Этот выбор был сделан в 1898 г. после окончания Духовной академии и написания кандидатского сочинения «Космологическое доказательство бытия Божия».

Уже в последние годы обучения в кадетском корпусе А. А. Ухтомский стал усиленно заниматься философией. Продолжил он эти занятия и в академии при написании кандидатского сочинения. Результатом этих занятий стало признание им схоластического характера современного богословия, его оторванности от живой религиозной жизни, и не менее важное утверждение неспособности современного европейского философского логицизма выйти за пределы абстрактных схем к живой реальности. Дорогу к реальности А. А. Ухтомский увидел в науке. Возможно, одним из мотивов его

³ Поздеева И В Книга сражается Каталог выставки книг, плакатов, графики времени Великой Отечественной войны из личных собраний коллекционеров Москвы, Подмосковья и Ленинграда М, 1987 С 333 № 1282 На с 332 приводится изображение Пролога, раскрытого на листах с поминальными записями

⁴ В апреле 1944 г 13 славяно-русских рукописей, принадлежавших А А Ухтомскому поступили в Рукописный отдел Библиотеки Академии наук (Тек пост № 327—339) См Исторический очерк и обзор фондов рукописного отдела Библиотеки Академии наук М Л, 1958 Вып 2 XIX—XX века С 55

⁵ Мы имеем в виду Ф П Некрылова, посвятившего многие годы жизни изучению творчества А А Ухтомского и много времени отдавшего систематизации его помет в Прологе

обращения к науке было возникшее под влиянием чтения У. Джемса желание выявить биологические механизмы религиозного опыта. В дневнике 1921 г. А. А. Ухтомский записал, что это желание, приведшее его в университет, философски несостоятельно, ибо нельзя найти единого биологического механизма для всякого религиозного опыта ввиду глубоких различий, присущих разным его типам.⁶

По правилам того времени окончивших духовные семинарии и академии было запрещено принимать на естественнонаучные факультеты. Поэтому А. А. Ухтомский поступил сначала на восточный факультет (сеμιто-арабское отделение) Петербургского университета, а затем благодаря хлопотам и связям отца перешел на физико-математический факультет. Почти сразу он стал заниматься физиологией у проф. Н. Е. Введенского, чьи труды и идеи в 1920—1930-е гг. он горячо распространял и пропагандировал.

Годы университетских занятий А. А. Ухтомского сопровождалась напряженной внутренней жизнью. Именно в это время он приходит к крайнему неприятию окружающего его уклада: сословного, бытового, политического, церковного. Он обращается к старообрядчеству, но по сути для него это было обращение к народу, к его традициям. Его настроения тех лет хорошо передает заметка 1909 г.: «Отщепление от народа, крайняя чуждость народу со стороны правящей знати началась давно; давно эта знать пошла своею колеєю прочь от народной души... Эти гвардейские лоботрясы, „гвардейская тля“, с глупыми нарядами и „чувствами чести“; эти подражатели Версалю — представители древних русских родов; эти цари немецкого происхождения, немецких чувств и идеалов... Наконец, эти „преданные“ правительственные и <нрзб> попы, любящие воскрылья и предвозлежания... Далеко, далеко от всего этого скрывалась душа русского народа с его чаяниями, верою, чувствами, вкусами и его будущим».⁷

В автобиографической записи, относящейся к концу его обучения в университете, А. А. Ухтомский охарактеризовал свою внутреннюю жизнь как ряд кризисов, связанных с выбором жизненного пути. В 1900 г. он думал о том, чтобы принять монашество. В начале 1903 г. ему предложили занять в Духовной академии кафедру апологетики (необходимо отметить, что в том же 1903 г. выявилась первая работа А. А. Ухтомского по физиологии). В академии его помнили, помнили и его работу, напечатанную в 1899 г. в июньском номере «Богословского вестника» журнала Московской духовной академии.⁸ А. А. Ухтомский отказался. В 1905 г. петербургская единоверческая община предложила ему стать единоверческим священником. А. А. Ухтомский отказался и от этого предложения, полагая, что за ним стоит умысел использовать его имя.⁹

В 1911 г. А. А. Ухтомский защитил магистерскую диссертацию, в которой уже были заложены основы его будущего учения о доминанте, и приступил к педагогической деятельности. В 1919 г. он стал профессором, а в 1922 г. после смерти Н. Е. Введенского принял на себя руководство кафедрой, во главе которой находился до последних дней жизни. В 1935 г. А. А. Ухтомский был избран академиком.

В 1920-е гг. А. А. Ухтомский сформулировал принцип деятельности нервных центров — принцип доминанты, смысл которого состоит в том, что в каждый момент своего существования организм избирательно реагирует на внешние воздействия, призывающие его к той или иной деятельности,

⁶ АРАН (СПб), ф. 749, оп. 1, № 148, л. 23 об.

⁷ Там же, № 147/6, л. 22 об.—23 об.

⁸ Ухтомский А. А. Национальное обособление христианских народов и историческая задача церкви // Богословский вестник 1899 № 6 С. 194—208

⁹ АРАН (СПб), ф. 749, оп. 1, № 93, л. 30—31

при этом другие, менее важные в данный момент виды деятельности тор-мозятся. В работах А. А. Ухтомского, посвященных принципу доминанты, начиная с первой статьи «Доминанта как рабочий принцип нервных центров» (1923 г.), постоянно указывается на то, что доминанты являются физиологической основой поведения и мышления. Однако после появления в начале 1970-х гг. в печати части эпистолярного наследия ученого, писем к Е. И. Бронштейн-Шур 1927—1941 гг., а также статей верного ученика и биографа Ухтомского В. Л. Меркулова, основанных на тщательном изучении материалов его архива, и, наконец, публикаций, подготовленных в самые последние годы, стало ясно, что в процессе создания нового учения о деятельности нервных центров А. А. Ухтомский выступил не только выдающимся физиологом, но и оригинальным мыслителем.¹⁰ Из этих публикаций, появившихся за последнюю четверть века, следует, что закон доминанты рассматривался ученым в неразрывной связи с законом заслуженного собеседника, законом возмездия и законом милосердия.

Закон заслуженного собеседника А. А. Ухтомский формулирует следующим образом: «...принцип доминанты в социальном аспекте превращается в закон заслуженного собеседника <...> мы видим во встречном человеке преимущественно то, что по поводу встречи с ним поднимается в нас, но не то, что он есть. А то, как мы толкуем себе встречного человека (на свой аршин), предопределяет наше поведение в отношении его, а значит, и его поведение в отношении нас».¹¹

В размышлениях о законах доминанты и заслуженного собеседника А. А. Ухтомский постоянно ссылается на произведения Ф. М. Достоевского, особенно часто на повесть «Двойник» и роман «Братья Карамазовы». И это было совершенно естественно для ученого, который полагал, что в искусстве дается нам «постановка проблем, указание незамеченных вопросов и новых задач».¹² Столь же важную роль в обдумывании этих законов сыграли и проложные повествования и поучения. О значении той традиции, которая воплощена в корпусе проложных текстов, А. А. Ухтомский писал в 1924 г.: «Необходимо развить и продолжить святоотеческий эмпиризм и физиологизм в учении о путях и нормах человеческого познания и благоволения (спасения) при свете современных данных физиологии, психоанализа и гносеологии».¹³ Примеры такого эмпиризма и физиологизма и отмечает А. А. Ухтомский в Прологе. Причем поясняет эти примеры он и на языке Пролога, и на языке своих научных текстов. Недаром и в дневниках начала 1920-х гг. записи по физиологии, ведущие к принципу доминанты, перемежаются заметками, содержащими ссылки на Пролог. Именно в эти годы

¹⁰ Ухтомский А. А. 1) Письма / Публикация, вступ. статья и примеч. Е. И. Бронштейн-Шур // Пути в неизвестное М., 1973 Сб. 10 С. 371—435, 2) «И свет во тьме светит» // Из философского наследия ученого / Публикация и предисл. Л. Соколовой // Свободная мысль 1992 № 2 С. 25—35, 3) Из неопубликованного наследия / Вступ. заметка, публикация и примеч. Л. Соколовой // Знамя 1993 № 10 С. 126—139, 4) Из неопубликованного наследия / Вступ. статья, подгот. текста и коммент. Л. В. Соколовой // Психол. журнал 1994 Т. 15, № 2 С. 135—152, № 3 С. 158—168, А. А. Ухтомский [К 100-летию со дня рождения] // Природа 1975 № 9 С. 18—35, А. А. Ухтомский в воспоминаниях и письмах (Сб. статей / Сост. Ф. П. Некрылов СПб., 1992, Цурикова Г., Кузьмичев И. Писатель которого не было // Нева 1988 № 4 С. 162—172, Кузьмичев И. «День ожидаемого огня» // А. А. Ухтомский в переписке с В. А. Платоновой // Звезда 1994 № 4 С. 138—169

¹¹ Ухтомский А. А. Запись на полях поэмы А. Блока «Возмездие» // Природа 1975 № 9 С. 34

¹² Ухтомский А. А. Доминанта Л., 1966 С. 250, Меркулов В. Л. Счастье искателя истины // Природа 1975 № 9 С. 28

¹³ См. Меркулов В. Л. О влиянии Ф. М. Достоевского на творческие искания А. А. Ухтомского // Вопросы философии 1971 № 11 С. 119. Цитата приводится по статье В. Л. Меркулова в восполнениями по тексту рукописи АРАН (СПб.), ф. 749, оп. 1 № 92/6 л. 104

ученый постоянно обращался к Прологу, о чем и свидетельствуют записи в сохранившемся томе. Все они носят маргинальный характер, сделаны попутно, при чтении. Тема каждой записи много подробней раскрыта в дневниках и письмах ученого, к которым и приходится обращаться для понимания смысла записей. Однако почти невозможно установить, данное ли место привело к запечатленной мысли или, наоборот, некая ранее сформулированная мысль нашла затем свое подтверждение в тексте Пролога.

«Блаженный Еварест, по некоему смотрению получив пресвитера, постническое житие провождающа, и любимое си получи, и власы остриг, и вожде-ленно к Господню ярму совниде» (23 декабря; память преподобного и богоносного отца нашего Евареста).¹⁴ К этому месту относится находящаяся на том же листе запись А. А. Ухтомского: «Будущие излагатели наукоучения о человеческих идеалах и религии должны обратить внимание на то, что все это особенность именно человеческого рода, и именно высших типов его, — крайнее ограничение себя, отвержение пищи и самосохранения, пренебрежение ближайшими инстинктами — ради торжества, хотя и мысленного, великих идеалов». Эта необходимость постоянного труда и самоограничения при изменении своих доминант также подчеркивается А. А. Ухтомским в заметке о Достоевском в лекционных тетрадах 1927—1929 гг.: «Моя исходная, первая и последняя задача — понять, как создается склад восприятия *старца Зосимы*. Я узнал, что он создается большим физическим подвигом, преданием от других и отношением к миру, как к любимому, почитаемому, интимно-близкому собеседнику. Этот очень трудный, постоянно напряженный склад восприятия воспитывается и удерживается с большим трудом, с постоянной самодисциплиной и осторожным хранением совести».¹⁵

«Вопроси брат старца: что, отче, доброе дело, и еже злое хотение? И отвеща отец: брате, всяк покой плотский мерзок есть Богу... И еже по плоти есть всяк покой, и во всем его любити, пакостно есть, и на велий вред души» (3 февраля; слово о добром хотении и злом. Л. 358 об.). На том же листе напротив подчеркнутых строк А. А. Ухтомский записывает: «Путь эктропического напряжения, принципиального удаления от покоя, от самоудовлетворения, от энтропического самоутверждения». О людях, вставших на путь эктропического напряжения, А. А. Ухтомский в своих размышлениях по поводу «Братьев Карамазовых» (в лекционных тетрадах 1927—1929 гг.) отмечает: «Им (людям, подобным Зосиме. — *Н. Н.*) свойственна *доминанта на лица других...* Для Зосимы этот метод исходный и основной с самого начала... и он является делом постоянного напряжения и труда *целой жизни изо дня в день*. Усредненный и спокойный „интеллигент“, ценящий более всего комфорт самодовольства, вряд ли решится встать на этот путь! Он всегда будет стараться замкнуться ради своего покоя на утешительной и экономной теории».¹⁶

«Егда от тела отлучимся, тогда предстанут нам ангели и бесове, показующе сотворенная нами на сем свете... яже сотворихом словом, или делом, или помышлением: вся бо написана суть на обличение наше. И образы поставят около нас, аки гораздии иконницы. Бесове убо преобразятся в наши дела, якоже бо ходихом на блуд или татьбу, или на разбой, или на иныя грехи, тако и обличат ны. И невозможно будет отврещися, видяще пред собою дела своя, аще ныне покаянием и теплыми слезами не загладим тех

¹⁴ Пролог Кн 1, сентябрь—февраль, т. 280 об. Далее ссылки на это издание Пролога в тексте с указанием листов. Все подчеркивания в текстах из Пролога принадлежат А. А. Ухтомскому.

¹⁵ Меркулов В. Л. О влиянии Ф. М. Достоевского на творческие искания А. А. Ухтомского. С. 118.

¹⁶ Там же. С. 119.

написаний образа» (27 февраля; поучение Иоанна Златоуста о смерти. Л. 407). Подчеркнутое место сопровождается следующей пометой А. А. Ухтомского: «Воплощение, осуществление и открытие тех тайных зачатков, которые носились в душах. Заслуженные интегральные образы, заслуженные собеседники, объективировавшие то, что зачалось внутри». Речь здесь идет о тех неосознанных доминантах, которым подчинено человеческое поведение до тех пор, пока они не будут преобразованы путем сознательного обращения на лица других. Однако и совесть А. А. Ухтомский рассматривал в ряду таких доминант. В 1924 г., рассуждая о совести и интуиции как досознательной опытности, он писал: «Совесть и есть в нас интуиция, всего труднее воплощаемая и формулируемая в словах!»¹⁷

«Слово святого Антиоха о прекословии» (29 декабря) стало для А. А. Ухтомского поводом для определения причин несостоятельности современной интеллигентской культуры. К этому слову на л. 285 об. он сделал помету: «Духом прекословия проникнута вся „интеллигентская“ культура, отсюда все ее болезни и немощи». А затем продолжил свое рассуждение: «Прекословие, как дух и настроение, противоположность Послушанию, как духу и настроению. Особая постановка жизни, особая доминанта. Если она началась, ждать более нечего — она все расточит и разрушит» (Л. 286).

В качестве одного из проявлений интеллигентского самоутверждения в 1910-е гг. А. А. Ухтомский рассматривал сочинения В. В. Розанова. В Прологе к словам «недостойно есть христианом поклоняться твари» (20 сентября; убиение святых мученик от Батия царя, великаго князя Михаила Черниговскаго и боярина его Феодора. Л. 38) он сделал приписку: «Ср. Мельникова-Печерского, В. Розанова и прочих российских интеллигентов, сожалеющих о том, что поклонение твари (солнцу, огню, блюду) миновало!».

Интеллигентская культура сопровождается соответствующей педагогикой. Именно о педагогике идет речь в записях к 19 ноября. В повествовании о Варлааме и Иоасафе А. А. Ухтомский пометой «Педагогика» выделяет следующее место: «Пестуны же и слуги пристави к нему юны и красны, запретив им ничесоже явити ему от жития сего скорбных и печальных, ни о смерти, ни о старости, ни о болезни, ни о нищете, да не возмутит его печаль; но вся возлюбленная и веселая являти ему: мошашеский же чин за три дни повеле изогнати от земли своея... И запрети им, да не видит стара, ни ниша, ни глуха, ни слепа, но вся отгоняти» (19 ноября; память преподобнаго отца нашего Иоасафа Пустынника, сына Авенира царя индийского. Л. 184). После того как, согласно повествованию, Варлаам, «сотворився купцем, прииде к палате сына царева, и глагола пестуну: повеждь мя сыну цареву, аз емь купец, имею камык честен и многоценен, и светится от него вся земля», он приводится к Иоасафу и отвечает на его просьбу: «покажи ми многоценнаго того камыка». Ответ Варлаама А. А. Ухтомский сопровождает пометой «А се другая педагогика!»: «Варлаам же рече: не имееши еще здрава зрака, ни очищенна тела, не можеши вилети его; но прежде умягчи ниву сердца твоего и всей словеса моя глаголанная к тебе» (Там же). На том же листе А. А. Ухтомский сформулировал общее заключение: «Жалкое желание сделать человека счастливым, изолировав его от действительной печали жизни: не увиди несчастного, не знай о горе человеческом, не встреть иночества, — изолируй себя только для постоянного праздника и радости». В дневниковых записях 1924 г. А. А. Ухтомский, отметив, что

¹⁷ АРАН (СПб.), ф. 749, оп. 1, № 91/17, л. 23.

в стяжании Духа, а не в «счастьи» цель работы мозга, пишет, что в отличие от христианской педагогики обычная педагогика, вместо воспитания, основанного на любви к личности, посредством сложившейся системы ведет к «расстройству души».¹⁸

Упадок церковных традиций, обусловленный современным состоянием общества, А. А. Ухтомский также обозревает сквозь призму повествований из Пролога. Ученик Памвы отправляется в Александрию, где видит церковную службу, и, возвратившись смущенным, на вопрос Памвы о причине смущения отвечает: «Естеством, отче, в небрежении кончаем дни своя в пустыне сей, да ни канонем учимся, ни тропарем... Глагола старец ему: горе нам, чадо, яко приспеют дни, егда оставят монаси твердую пишу, реченную святым духом, и возследуют пением и гласом... Се убо глаголю, чадо: яко приидут дни, и расказят монаси книги, загладят отеческая жития, и преподобных мужей предания, пишущие тропари, и еллинская писания» (16 ноября; слово святого отца Памвы, поучение ко ученику своему. Л. 179—179 об.). К последним подчеркнутым словам имеется пояснение А. А. Ухтомского: «Не даром же одним из выпуклых признаков этого грядущего падения подчеркивается извращение церковного искусства в „эллинические писания“: состояние искусства самым интимным образом отражает общее духовное состояние человека и общества». Эту маргинальную запись А. А. Ухтомский конкретизирует в заметке 1922 г., в которой он отмечает, что если староверская моленная, староверский иконостас и староверское пение говорят о трагическом понимании христианства, то этому противостоят новообрядческий обиход, иконография, вокальное искусство, или, по Джемсу, легкомысленное мороженое, что внесено в современные беседы о Христе.¹⁹

Более подробно о следствиях упадка церковного искусства А. А. Ухтомский рассуждает в статье «О церковном пении», напечатанной в «Санктпетербургских ведомостях» 10 июня 1910 г.²⁰ В статье он пишет о том, что «церковное пение на Руси находится в упадке», хотя и есть еще островки: Валаам, Оптина, Гефсиманский скит у Троицы Сергия, старообрядцы, «благоговейно сохранившие сокровищницу церковного чина и знаменного распева от варварских нашествий, которыми они подвергаются». Вместе с тем, отмечает А. А. Ухтомский, «церковное пение» отходит в сторону по пути «искусства для искусства», основным принципом которого является как можно более острое возбуждение ощущений. Отсюда появление чисто оперной музыки, сокращение церковной службы, якобы за счет не очень важных частей, превращение ее в концерт. Приветствуя образование «хора любителей древнего церковного пения» при Петербургском единоверческом братстве, А. А. Ухтомский предостерегает его участников от уклона в ложно понятую прогрессивность и приводит пример того, как такая прогрессивность ведет к гибели произведений древней живописи: в Иосифовом Волоколамском монастыре дубликат рублевской св. Троицы был записан, «для написания новых ликов был призван местный живописец, он же и маляр».

«А сколько раз, — восклицает затем А. А. Ухтомский, — таким же образом в разных углах России стремление быть на высоте требований и похвальная прогрессивность довели до усердия привлекать маляра к исправлению древней художества! <...> Исповедывать словесно великую идею

¹⁸ Там же, л. 2 об., 16—16 об.

¹⁹ Там же № 148, л. 23

²⁰ Ср. Ухтомский А. А. О церковном пении. Доклад СПб. Синод. тип., 1912. 21 с. (Из материалов 1-го Всерос. съезда православных старообрядцев) Отд. отт. из кн. Первый Всерос. съезд старообрядцев (единоверцев)

прогресса нетрудно! Усвоить себе стремление не отставать от вкусов времени — нет ничего легче! Ремесленники искусства и даже без дарования всегда найдутся! Но ведь Андрей-то Рублев один, памятников его искусства очень мало и их очень легко извести совсем! Из того, что мы их не понимаем, или не понимают их наши современники, не значит, что не придут люди, которые будут их понимать и будут искать, а не найдя их, скажут о нас, мнвившими себя прогрессивными: прости их, Господи, ибо не знали, что делали».

Приведенные примеры, можно надеяться, показывают, что для А. А. Ухтомского Пролог в течение трех десятилетий был не просто душеполезным чтением, а являлся своеобразным духовным инструментом, способствовавшим выработке основных мировоззренческих и научных концепций. И в этом А. А. Ухтомский наследовал таким знаменитым читателям Пролога, какими были Л. Н. Толстой и Н. С. Лесков.